

ДОКЛАД
О НАИМЕНЕЕ РАЗВИТЫХ
СТРАНАХ, 2020 год

0B30P

Производственный потенциал на предстоящее десятилетие

**ДОКЛАД
О НАИМЕНЕЕ РАЗВИТЫХ
СТРАНАХ, 2020 год**
ОБЗОР

Производственный потенциал на предстоящее десятилетие

ОРГАНИЗАЦИЯ ОБЪЕДИНЕННЫХ НАЦИЙ

Женева, 2020 год

© 2020 год, Организация Объединенных Наций

Настоящий документ доступен для открытого доступа при условии соблюдения лицензии Creative Commons, созданной для межправительственных организаций, URL: <http://creativecommons.org/licenses/by/3.0/igo/>.

Употребляемые обозначения и изложение материала на любой карте в настоящей работе не означают выражения со стороны Организации Объединенных Наций какого бы то ни было мнения относительно правового статуса любой страны, территории, города или района или их властей или относительно делимитации их границ.

Фотокопирование и воспроизведение выдержек разрешены при надлежащем указании источника.

Настоящая публикация редактировалась вне организации.

Издание Организации Объединенных Наций, опубликовано Конференцией Организации Объединенных Наций по торговле и развитию.

UNCTAD/LDC/2020 (Overview)

ОБЗОР

Кризис COVID-19 в НРС

Первоначальные опасения относительно того, что глобальная пандемия коронавирусной инфекции (COVID-19) катастрофически скажется на *здоровье* населения наименее развитых стран (НРС), не оправдались; однако в некоторых НРС (например, Сан-Томе и Принсипи, Джибути, Гамбии, Афганистане и Непале) такое воздействие носило более масштабный и серьезный характер. Нельзя исключать и дальнейшего значительного расширения масштабов пандемии в некоторых НРС в последние месяцы 2020 года, что повлечет для них тяжелые последствия из-за слабости систем здравоохранения большинства НРС.

Наименее развитым странам удалось лучше, чем первоначально прогнозировалось, справиться с медицинскими аспектами пандемии в силу специфических для каждой страны факторов, включая уже имеющийся опыт борьбы с эпидемиями; меры политики и технологические инновации, разработанные в ответ на COVID-19; и благоприятную демографическую структуру, например молодое население, и в большинстве случаев низкую плотность населения.

Лучше справляются с пандемией COVID-19 с точки зрения политики в области здравоохранения НРС с более широкой и развитой базой производственного потенциала своей экономики. В более общем плане эти же соображения распространяются на их способность реагировать на другие шоковые потрясения (например, медицинские, экономические или стихийные бедствия). Страны, которым удалось создать более плотную и диверсифицированную структуру производственного потенциала, продемонстрировали более высокую устойчивость и оказались лучше подготовлены к различным видам потрясений.

Хотя пандемия имела (по крайней мере, на начальном этапе) отнюдь не катастрофические последствия для *здоровья* населения, ее *экономические* последствия губительны. В 2020 году в результате пандемии COVID-19 экономика НРС переживает сильнейший за последние несколько десятилетий экономический шок; это, в свою очередь, вызвало резкий экономический спад, обусловленный совокупным воздействием глубокой рецессии мировой экономики и последствиями принятых правительствами НРС внутренних мер

по сдерживанию пандемии. Хуже того, эти последствия, скорее всего, будут ощущаться и в среднесрочной перспективе.

За период с октября 2019 года по октябрь 2020 года прогноз экономического роста для НРС был радикально пересмотрен в сторону понижения с 5 % до -0,4 %. Ожидается, что в результате доход на душу населения в НРС снизится в 2020 году на 2,6 %, при этом средний уровень дохода снизится в 43 из 47 НРС. Это наихудший экономический результат для данной группы стран за последние 30 лет, отражающий значительную утрату социально-экономических достижений, которых удалось добиться в последние годы, в том числе в борьбе с нищетой и в социальной сфере. В результате отдалается и перспектива достижения целей в области устойчивого развития к 2030 году.

Затяжной спад может повлечь утрату рабочих мест, поставить под угрозу выживание предприятий — с соответствующими потерями производственного потенциала и подспудных знаний — и оказать долгосрочное воздействие на потенциальный объем производства. В силу структурных особенностей предпринимательского сектора в НРС этим странам особенно важно избежать столь драматического исхода. Затянувшийся кризис еще больше ухудшит ситуацию и без того слабого предпринимательского сектора НРС, для которого в настоящее время характерны множество главным образом неформальных традиционных предприятий, не стремящихся к инновациям; значительный перекоп в сторону микро-, малых и средних предприятий (ММСП); и ограниченный доступ частного сектора к кредиту.

Влияние мировой экономической рецессии на экономику НРС, вероятно, оказалось сильнее резкого изменения внутреннего спроса. Это в свою очередь обусловило резкое падение внешнего спроса на товары и услуги НРС; понизило цены на их основные экспортные товары; и вызвало обвальное сокращение притока внешних ресурсов (например, денежных переводов и капитала). НРС, в наибольшей степени зависящие от экспорта нескольких видов продукции, наиболее уязвимы к внешнеторговым потрясениям и серьезно пострадали от резкого падения физического объема экспортируемых товаров, от которых в наибольшей мере зависит их экономика, и цен на эти товары. Это особенно касается экспортеров топлива (например, Анголы, Йемена, Мозамбика, Тимора-Лешти и Чада); минерального сырья и металлов (например, Гвинеи, Замбии, Демократической Республики Конго, Мавритании, Сьерра-Леоне и Эритреи); одежды (например, Бангладеш, Гаити, Камбоджи, Непала и Лесото); и туристических услуг (например, Вануату, Гамбии, Камбоджи и Сан-Томе и Принсипи).

По прогнозам, совокупный дефицит товарной торговли НРС в 2020 году превысит рекордный уровень 2019 года (91 млрд долл. США). Аналогичным образом, по экспорту услуг НРС серьезно ударил практически полный застой их основного экспортного сектора — туризма. Сильнее всего пострадали от тяжелого спада в мировом туризме малые островные государства (например, Вануату, Сан-Томе и Принсипи), а также Гамбия, Камбоджа и Мадагаскар. Поэтому вполне вероятно, что совокупный дефицит торговли товарами и услугами НРС в 2020 году увеличится еще больше, продолжая развитие тенденции, возникшей с началом глобального финансового кризиса 2008–2009 годов. В условиях наблюдающегося сокращения объемов мировой торговли и обвального падения экспорта из НРС маловероятно, что эта группа стран достигнет своей давней цели в области торговли, закрепленной в задаче 17.11 целей в области устойчивого развития, а именно цели удвоения их доли в мировом экспорте товаров и услуг за период 2011–2020 годов.

Введенные режимы изоляции и последовавшая за этим мировая рецессия серьезно отразились на динамике международной миграции и потоках денежных переводов. Согласно прогнозам, общий приток денежных переводов в страны с низким и средним уровнем дохода (СНСД) сократится в 2020 году на одну пятую, причем, как ожидается, в странах Южной Азии и странах Африки к югу от Сахары падение будет еще резче. Наиболее уязвимы в условиях сокращения объема денежных переводов те НРС, которые в наибольшей степени зависят от них как источника внешнего финансирования — в частности, Гаити, Гамбия, Йемен, Кирибати, Коморские Острова, Непал, Лесото, Сенегал и Южный Судан.

Увеличение дефицита торговли товарами и услугами и сокращение поступлений денежных переводов в 2020 году, по-видимому, повлекут дальнейший рост совокупного дефицита по счету текущих операций всей группы НРС; по прогнозам, этот показатель резко возрастет с 4,6 % их совокупного ВВП в 2019 году до 6,8 % ВВП в 2020 году. Это будет самый высокий за всю историю (или второй по величине) совокупный дефицит НРС по счету текущих операций, который продолжит развитие тенденции неизменного нарастания дефицита по счету текущих операций, с которой НРС сталкиваются со времени последнего глобального финансового кризиса.

Увеличение дефицита по счету текущих операций является для НРС серьезной проблемой, поскольку финансировать его нужно будет за счет расширения притока капитала. Однако потребности в финансировании возрастают в период, когда в НРС наблюдается сокращение притока капитала. Из всех стран мира НРС сильнее всего зависят от внешней помощи, причем наиболее заметное

место в структуре потоков капитала в эти страны занимает официальная помощь в целях развития (ОПР). Востребованность потоков ОПР растет на фоне стагнации объемов ОПР с 2013 года. Страны-доноры не выполняют свое давнее обязательство довести объемы предоставляемой наименее развитым странам ОПР до 0,15–0,20 % от их валового национального дохода (ВНД). Кроме того, в условиях сокращения общемировых потоков частного капитала получить доступ к частному финансированию стало еще труднее, что усугубляет трудности, с которыми НРС сталкиваются, пытаясь покрыть дефицит внешнего финансирования в разгар рецессии.

Кроме того, ожидается, что глобальный спад повлечет колоссальные негативные последствия в плане глобальной нищеты и отсутствия продовольственной безопасности. В результате может усилиться «предопределенность» пути развития с трансформацией переходных форм бедности в хроническую нищету. Вспышка пандемии COVID-19 крайне омрачает перспективы экономического роста стран всего мира; однако последствия для НРС будут еще тяжелее, поскольку, как ожидается, из-за пандемии средний показатель доли населения, живущего за чертой нищеты (1,90 долл. США в день), возрастет на три процентных пункта — с 32,2 % до 35,2 %. Другими словами, численность населения, живущего в НРС в условиях крайней нищеты, увеличится более чем на 32 млн человек, причем, как ожидается, в первую очередь в африканских и островных НРС.

Хотя такая ситуация оборачивается задержкой на пути достижения цели 1 целей в области устойчивого развития, она может также означать, что не будет достигнут и ряд других целей, в частности цели в области здравоохранения и образования, поскольку люди избирают неблагоприятные варианты преодоления трудностей, например сокращают потребление здоровой и питательной пищи или забирают детей из школы.

По всей вероятности, возникший спад будет еще сильнее подрывать гендерное равенство, поскольку гендерный аспект пересекается с другими направлениями структурной маргинализации, включая экономический статус, принадлежность к группам меньшинств, инвалидность, инфицирование вирусом иммунодефицита человека (ВИЧ) и т. д. В НРС и других странах, как правило, чрезмерно высока доля женщин в уязвимых профессиональных категориях (в диапазоне от работы медицинского персонала до неформальной самозанятости), а также в производственно-сбытовых системах, которые в наибольшей степени пострадали от кризиса, например в сфере туризма или текстильной и швейной промышленности.

Бичом экономики НРС является уязвимость, под которой понимается подверженность национальной экономики экзогенным событиям (шоковым потрясениям и нестабильности), которые по большей части им неподвластны и негативно сказываются на их способности расти и развиваться. Экономика этих стран крайне подвержена воздействию шоковых факторов в сферах экономики, экологии и здравоохранения. НРС относятся к числу наиболее уязвимых стран мира, что отражает индекс экономической уязвимости (ИЭУ), свидетельствующий о том, что они на 30 % более уязвимы, чем другие развивающиеся страны (ДРС — развивающиеся страны, не являющиеся НРС).

В создавшейся ситуации основные экономические приоритеты НРС могут относиться к двум временным горизонтам. В краткосрочной перспективе правительства в приоритетном порядке должны во что бы то ни стало противостоять нынешней рецессии и подкреплять уровень жизни своих граждан, помогать продержаться на плаву компаниям и фермерским хозяйствам и поддерживать уровень активности в своей экономике. Эти краткосрочные приоритеты в равной степени актуальны для НРС, ДРС и развитых стран. Во-вторых, наименее развитым странам нужно укреплять устойчивость к потрясениям, под которой понимается способность экономики противостоять внешним потрясениям и/или способность оправляться от них. Устойчивость является результатом успешного процесса развития, благодаря которому страны способны преодолевать серьезные структурные элементы отсталости, такие как концентрация производства и экспорта; повсеместная нищета; чрезмерная зависимость от импорта важнейших товаров и услуг; и хронический дефицит счета текущих операций. Таким образом, повышение устойчивости подразумевает устранение структурных причин их уязвимости, недостаточного уровня развития и укоровившейся нищеты.

Давние проблемы в области развития, с которыми сталкиваются НРС, не являются порождением кризиса COVID-19. При всей сложности экономического, социального и политического контекста, порождающего крайние формы уязвимости и нищеты, эти явления имеют общий знаменатель, а именно низкий уровень развития производственного потенциала НРС. Расширение, модернизация и более эффективное использование производственного потенциала позволяют преодолевать воздействие структурных факторов, лежащих в основе уязвимости. Пандемия COVID-19 лишь усилила эти императивы.

Исходя из этого, тем более важно подчеркнуть сохраняющуюся актуальность категории НРС не только в период «великого карантина» и сразу после нее, но и, что также важно, на протяжении предстоящего десятилетия, когда нерешенные

задачи Повестки дня в области устойчивого развития на период до 2030 года будут пересекаться с положениями следующей программы действий в интересах НРС.

В контексте Повестки дня в области устойчивого развития на период до 2030 года значение НРС представляется еще очевиднее в связи с задачами обеспечения всеобщего процветания и искоренения крайней нищеты. С точки зрения международного сообщества особого внимания заслуживают проблемы в области развития, с которыми сталкиваются НРС, и не в последнюю очередь потому, что низкий уровень социально-экономического развития, как правило, рассматривается в качестве серьезного фактора нестабильности, конфликтов и миграции, особенно в сочетании с растущей востребованностью природных ресурсов, усиливающимися неблагоприятными последствиями изменения климата и ограниченным институциональным потенциалом.

Причины, в силу которых следует еще раз подчеркнуть, что НРС являются тем полем боя, на котором будет выиграна или проиграна битва за претворение в жизнь Повестки дня на период до 2030 года, выходят за рамки морального обязательства обеспечить, чтобы «никто не был забыт», и отражают стратегические соображения по поводу глобальных общественных благ и возможностей распространения среди стран позитивных и негативных последствий во все более взаимосвязанном мире.

Производственный потенциал и структурные преобразования: концептуальная конкретизация мер по удовлетворению потребностей НРС

Под производственным потенциалом понимаются «производственные ресурсы, предпринимательские возможности и производственные связи, которые в совокупности определяют способность страны производить товары и услуги и позволяют ей расти и развиваться». Устойчивый экономический рост можно обеспечить только за счет расширения, развития и полного использования производственных мощностей. Таким образом, в национальных и международных стратегиях развития производственному потенциалу следует отводить ключевую роль.

Развитие производственного потенциала происходит, во-первых, в рамках компаний/секторов, поскольку связка «прибыль — инвестиции» способствует росту капиталовооруженности и повышению производительности труда. Во-вторых, оно происходит и с выходом за рамки секторов, поскольку приобретение производственных мощностей – само по себе зависящее от существующей структуры производства — прокладывает путь к выпуску новой продукции и повышению степени ее переработки. Процесс развития производственного потенциала опирается на взаимоусиливающую динамичную взаимосвязь между спросом и предложением в экономике, поскольку расширение совокупного спроса создает возможности для налаживания более тесных межотраслевых связей, перераспределения факторов производства и воздействия факторов внешнего порядка на цены, что в совокупности обеспечивает финансовую жизнеспособность инвестиций, в том числе в инфраструктуру.

Производственные ресурсы развиваются в рамках трех процессов: i) накопления капитала или ресурсов; ii) обучения и новаторства в области технологий; и iii) углубления разделения труда и повышения специализации секторов, компаний и ферм. В совокупности эти три процесса ведут к структурной трансформации экономики. Этот сложный процесс является многомерным и включает в себя перелив производственных ресурсов страны (например, природных ресурсов, земли, капитала, рабочей силы и ноу-хау) из секторов низкопроизводительной экономической деятельности в секторы, где она высокопроизводительна (обычно по уровню производительности труда, т. е. по величине добавленной стоимости, создаваемой за определенный период работы). В порядке альтернативы под структурными преобразованиями понимается способность экономики постоянно генерировать новые динамичные виды деятельности, характеризующиеся более высокой производительностью и нарастанием эффекта масштаба.

На разных уровнях доходов процесс структурной трансформации реализуется в различных формах. На низком уровне доходов это главным образом результат передачи ресурсов из одного сектора в другой. Так обстоит дело в НРС, которые во многих случаях находятся на начальных этапах структурных преобразований. Напротив, на уровне высоких доходов процесс передачи ресурсов между секторами в значительной мере завершен и структурные преобразования в основном происходят в форме перелива ресурсов внутри секторов.

Структурные преобразования в производственной сфере экономики происходят в специфическом экономическом, социальном и институциональном контексте,

при этом структурные преобразования и среда взаимодействуют между собой и оказывают влияние друг на друга.

Производственные ресурсы включают в себя физическую инфраструктуру, которая обеспечивает, в частности, энергоснабжение, транспорт, связь, ирригацию, а также водоснабжение и санитарии. Наличие и доступность этих услуг крайне важны для развития производственных единиц, поскольку они позволяют поставлять вводимые ресурсы, необходимые для функционирования компаний и ферм, и влияют на размеры расходов компаний на оплату доступа к ресурсам и рынкам вводимых ресурсов и произведенной продукции. Они также чрезвычайно важны для повышения уровня жизни и благосостояния граждан и домохозяйств.

Еще одним видом инфраструктуры, приобретающим все более важное значение, являются информационно-коммуникационные технологии (ИКТ). Они являются основой цифровой экономики и так называемой четвертой промышленной революции (4ПР). Становясь все более важной инфраструктурой, эти технологии вызывают все больший интерес у директивных органов, уделяющих особое внимание вопросам, связанным с цифровым разрывом между странами и внутри стран. При этом в ряде развитых стран ИКТ в своем развитии достигли уровня зрелости (с точки зрения распространения технологий). Темпы распространения этих технологий также возрастают в ДРС и НРС быстрее, чем в развитых странах. Это породило серьезные надежды на сокращение международного цифрового разрыва.

Однако эти надежды не находят подтверждения на практике. Несмотря на происходящее в НРС с начала века быстрое распространение мобильной телефонии и доступа к широкополосной мобильной связи, цифровой разрыв между НРС, с одной стороны, и ДРС и развитыми странами, с другой, остается весьма значительным. Доступ к Интернету по-прежнему имеет лишь меньшинство населения НРС, велик и гендерный разрыв в этой области. Кроме того, технологии мобильной голосовой связи и передачи данных освоены отдельными лицами и домашними хозяйствами шире, чем производственными единицами (например, компаниями и фермерскими хозяйствами). Это остается серьезным препятствием для развития производственного потенциала в НРС, а также для освоения других, более современных технологий и, в более широком плане, ускорения происходящих в них структурных преобразований.

Сопоставление периодов 2001–2011 годов и 2011–2017 годов демонстрирует снижение темпов структурных преобразований производства во всем мире

вследствие общего замедления темпов роста мировой экономики после глобального финансового кризиса 2008–2009 годов и ввиду его затяжных последствий.

Процесс структурных преобразований в НРС свидетельствует о том, что в долгосрочном плане в большинстве из них наблюдается падение доли сельского хозяйства как в объеме производства, так и в сфере занятости. Перелив ресурсов происходит главным образом в пользу третичного сектора (т. е. услуг), особенно в африканских НРС. В большинстве из этих стран рабочая сила их низкопроизводительного сельского хозяйства уходит в сектор низкопроизводительной деятельности в городах, главным образом в неформальную сферу услуг.

Рост доли услуг в объеме производства и занятости, как правило, рассматривается как признак модернизации экономики. Однако при этом не учитывается сильная неоднородность различных подсекторов услуг. Для более тщательного изучения структуры сектора услуг в НРС в сравнении с другими группами стран секторы услуг классифицируются в зависимости от того, являются ли они: i) наукоемкими; ii) менее наукоемкими; и iii) нерыночными.

В развитых странах доли этих трех видов деятельности по оказанию услуг примерно равны. В противоположность этому, в НРС основная часть занятости в третичном секторе приходится на менее наукоемкие услуги, например розничную торговлю, ремонт автотранспортных средств и услуги в сферах жилья и питания. Как правило, это низкопроизводительные виды деятельности с низкой добавленной стоимостью, которые нередко осуществляются в неформальном секторе. Особенно важны эти секторы услуг для африканских и островных НРС, где на их долю приходится около двух третей занятости в секторе услуг; однако в азиатских НРС на наукоемкие услуги приходится четверть занятости в сфере услуг — больше, чем в других группах НРС.

В период 2001–2011 годов НРС добились весьма неплохих темпов роста производительности труда — ежегодно на 3,9 %, что несколько ниже, чем в ДРС, где ежегодный прирост составил 4,6 %. Однако в последующий период тренды в этих двух группах стран разошлись. Рост производительности труда замедлился в обеих группах стран, но в НРС гораздо сильнее — до 1,9 % в год, в то время как в ДРС замедление было более умеренным (до 3,7 % в год).

Самые высокие темпы роста производительности труда наблюдались в азиатских НРС, в значительной мере благодаря относительно более высоким темпам роста производительности труда в обрабатывающей промышленности и сфере

услуг, например в Бангладеш, Камбодже, Лаосской Народно-Демократической Республике и Мьянме. Замедление темпов роста производительности труда в африканских НРС в период 2011–2017 годов во многом было обусловлено фактическим снижением производительности труда в сфере услуг и других отраслях (особенно в горнодобывающем секторе). Негативная динамика производительности труда в сфере услуг обусловлена двумя факторами: i) постоянным притоком рабочей силы, который не сопровождается соразмерным ростом объема производства в секторе услуг; и ii) концентрацией занятости в третичном секторе в сегменте менее наукоемких услуг и их, как правило, более низким потенциалом роста производительности труда. Доля занятости в этих сегментах услуг в НРС наиболее высока среди основных групп стран.

В долгосрочном плане между НРС и ДРС как отдельными группами наблюдаются различия по общему уровню производительности труда, равно как и по интенсивности и направлению их структурных преобразований. В 1991 году соотношение между НРС и ДРС составляло 25 %, в начале же нового тысячелетия оно снизилось до 21 %, в конечном счете достигнув в 2017 году 18 %. Процесс расхождения трендов отчасти прерывался в 2000-х годах, в основном в результате длительного сырьевого цикла, но возобновился после глобального финансового кризиса 2008–2009 годов. Без прекращения этой разнонаправленной тенденции вся группа НРС не сможет избежать долгосрочной маргинализации в мировой экономике.

Вместе с тем между выделенными тремя группами НРС наблюдается разительный контраст в плане структурных преобразований. Группа азиатских НРС переживает этап, более всего напоминающий классический процесс индустриализации. В ряде стран этой группы растет доля обрабатывающей промышленности в общем объеме производства и занятости, развивается специализация на экспорте продукции обрабатывающей промышленности и отмечаются самые высокие показатели роста производительности труда наряду с параллельным сокращением масштабов нищеты и более активным прогрессом в социальной сфере. Вместе с тем для поддержания процесса стимулирующих рост структурных преобразований даже азиатским НРС приходится углублять и расширять структурные преобразования и далее наращивать предпринимательский и технологический потенциал в предвидении утраты предусмотренных для НРС торговых преференций после выхода из этой категории стран.

Перед африканскими НРС по-прежнему стоит задача диверсификации экономики и развития высокопроизводительной экономической деятельности. С учетом все еще весьма значительной доли занятых в сельском хозяйстве в этих странах

очень высок потенциал дальнейших структурных преобразований. На данном этапе перед африканскими НРС стоят две задачи: они должны существенно ускорить темпы роста производительности труда в сельском хозяйстве; и активно создавать рабочие места в других секторах для быстро растущего населения. Кроме того, по уровню производительности труда эти новые рабочие места должны значительно опережать рабочие места, уже имеющиеся в сельскохозяйственном секторе этих стран.

В 2020-е годы на динамику развития производственного потенциала НРС будут сильно влиять изменения глобальной среды (поскольку это, как правило, небольшие страны с открытой экономикой), а также политика, которую будут проводить они сами и их партнеры по развитию. В целом эта глобальная среда неизбежно будет характеризоваться длительными последствиями порожденных пандемией COVID-19 кризисов в области здравоохранения и экономики, а также тем, как будут развиваться международные экономические и политические отношения в последующий период. Некоторые общие тенденции окажут особенно заметное влияние на развитие производственного потенциала НРС и более широкие перспективы развития этих стран. К числу этих тенденций относятся переориентация международных экономических и политических отношений в условиях после пандемии COVID-19, будущее глобализации, глобальные производственно-сбытовые системы и региональная интеграция, прогресс в области изменения климата и политики по решению этих проблем, демографические тенденции и разворачивающаяся технологическая революция (включая в первую очередь цифровые технологии). Эти новые технологии, в принципе, могут оказать весьма сильное воздействие на развитие производственного потенциала в НРС в предстоящем десятилетии.

Оценка производственного потенциала: прогресс НРС на пути к устойчивому развитию

Разработанный ЮНКТАД индекс производственного потенциала. Помощь наименее развитым странам в развитии их производственного потенциала могла бы повысить отдачу от экономического роста для социального развития и ускорить структурные преобразования. Это крайне важно в те десять лет, которые остались для осуществления Повестки дня в области устойчивого развития на период до 2030 года. Производственный потенциал мог бы помочь НРС ускорить процессы сокращения масштабов крайней нищеты

(цель 1 в области устойчивого развития), повышения производительности труда в сельском хозяйстве (цель 2) и обеспечения промышленного роста (цель 8). Повышение производительности труда выступает залогом достижения этих целей; однако одного лишь повышения производительности труда недостаточно для того, чтобы переломить ход экономического развития НРС. Наряду с резким увеличением других производственных мощностей, например, в области энергетики (цель 7), инвестиций в инфраструктуру и укрепления рыночных взаимосвязей (цель 8) и развития частного сектора (цель 9) следует добиваться развития человеческого потенциала. Прогресс на этих различных направлениях является взаимодополняющим и взаимоподдерживающим.

ЮНКТАД разработала совокупный показатель, отражающий обеспеченность факторами производства, управление ими и их трансформацию, а также эффективность рыночных взаимосвязей. В разрезе объема и технической стороны приложенных усилий индекс производственного потенциала (ИПП) является результатом самой обширной аналитической работы, проделанной на сегодняшний день. Индекс охватывает восемь широких категорий, определяемых по многим показателям, отражающим основные каналы развития производственного потенциала той или иной страны, а именно: энергетику; человеческий капитал; ИКТ; природные ресурсы; транспортную инфраструктуру; институциональные структуры; частный сектор; и структурные преобразования. Каждой категории соответствует свой субиндекс.

ИПП добавляет чрезвычайно важный аспект в оценке результатов, которых смогли добиться НРС в ходе достижения целей, согласованных на международном уровне. Это делается в контексте тематических приоритетов Программы действий для наименее развитых стран на десятилетие 2011–2020 годов (известной также как Стамбульская программа действий — СПД).

ИПП измеряется по шкале от 0 до 100, при этом 100 — лучший результат. Совокупный ИПП представляет собой среднее значение восьми субиндексов. ИПП может использоваться для определения базовых различий между НРС и между НРС и другими группами стран. В 2011–2018 годах значения ИПП в НРС находились в диапазоне от 9 до 36, при этом средний показатель составлял 17. За этот период медианный уровень производственного потенциала вырос с 14,9 до 17,2, в то время как в ДРС он увеличился с 27,3 до 28. Страны с относительно высокими показателями ИПП добились успехов и в поощрении структурных преобразований и использовали свой производственный потенциал для диверсификации экономики и экспорта. В 2018 году ИПП двух ведущих развитых стран находился в диапазоне от 48 (Люксембург) до 53 (Соединенные Штаты

Америки), в то время как показатели двух ведущих НРС находились по шкале ИПП на отметках 28 (Бутан) и 35 (Тувалу).

Интерактивная группировка НРС с наилучшими, наихудшими и средними показателями показывает некоторое увеличение производственного потенциала в 2001, 2011 и 2018 годах в НРС с самыми низкими показателями индекса, при этом медианное значение ИПП данной подгруппы возрос за период 2000–2018 годов с 18 до 22. Темпы изменения производственного потенциала всех НРС в целом низки, да и в отдельности показатели стран далеко не блестящие. Следует отметить, что, если в 2001 году в группу высокопроизводительных входило 11 стран, то в 2018 году их уже оставалось только 6. За тот же период число стран в группе НРС с наименьшей производительностью увеличилось с 18 до 25, число же стран в группе со средними показателями колебалось в 2001–2018 годах в пределах от 16 до 18. Кроме того, за прошедшие годы существенно изменился состав стран в двух нижних группах. За период 2001–2018 годов в более высокую группу удалось перейти только двум странам — Руанде и Мьянме, которые из группы с низким уровнем развития потенциала перебрались в группу среднего уровня.

НРС добились значительных улучшений по показателям ИКТ, транспортной инфраструктуры и категорий структурной трансформации производственных мощностей, хотя в абсолютном выражении их результаты в 2000 и 2018 годах по установленной шкале ИПП (0–100) слишком низки по сравнению со значениями индекса других групп стран. НРС отстают от ДРС по всем категориям ИПП — за исключением природных ресурсов, — и особенно в плане развития ИКТ, человеческого капитала и институциональных структур. Кроме того, имеются значительные различия между странами в области энергетики, частного сектора и факторов структурных преобразований. Хотя показатели ИПП свидетельствуют о наличии серьезных проблем в НРС, динамика ряда НРС, например Бангладеш, Бутана и Камбоджи, подтверждает, что НРС могут выйти на уровень производственного потенциала других групп стран. Однако их показатели зависят от ряда региональных факторов, включая наличие диверсифицированной экономики наряду с мощными производственно-сбытовыми системами, охватывающими сопредельные страны.

Результаты усилий НРС по достижению целей СПД. ЮНКТАД провела всестороннюю оценку СПД, используя при этом ИПП в качестве дополнительного параметра. Целевого показателя роста на уровне 7 % в период 2015–2018 годов вообще достигали только 13 НРС, и еще меньшему числу из них удавалось поддерживать такие темпы на протяжении ряда лет подряд. Масштабы последствий пандемии COVID-19 неясны, поскольку ситуация продолжает

развиваться. Однако кризис в области общественного здравоохранения обнажил слабые структуры экономики НРС, их уязвимость к воздействию экономических потрясений и их неспособность мобилизовать производственный потенциал для адаптации к меняющимся рыночным условиям.

Низкую эффективность использования производственного потенциала нельзя обобщенно распространять на все НРС. Определенный уровень производственного потенциала может соответствовать самым разным объемам производства, поскольку страны по-разному используют имеющиеся производственные мощности. В некоторых НРС, например в Бутане, Судане и Тувалу, в период 2011–2018 годов значительно выросли доходы на душу населения.

Необходимо тщательно определять приоритетные для экономического развития отрасли. Согласно СПД, решающе важный производственный потенциал охватывает инфраструктуру; энергетику; науку, технику и инновации (НТИ); и развитие частного сектора. Проведенная оценка использования производственного потенциала показывает, что при увеличении энергетической инфраструктуры на 1 % доход на душу населения возрастает лишь на 0,12 %. Влияние структурных преобразований на реальный ВВП на душу населения ослабляется наличием непродуктивного сельского хозяйства, где занята значительная доля населения, в сочетании с неконкурентоспособным сектором услуг с низкой производительностью труда, высоким удельным весом неформальных структур и слабой интеграцией в глобальные производственно-сбытовые системы (с точки зрения интенсивности интеграции и позиций, достигнутых в рамках этих систем).

В ходе осуществления СПД (2011–2020 годы) НРС, как и прежде, оставались на периферии международной торговли, поскольку торговля сырьевыми товарами не могла нормально развиваться из-за неблагоприятной конъюнктуры на сырьевых рынках. Группировка НРС по различным подкомпонентам ИПЦ ЮНКТАД подтверждает наличие специализированных анклавов, определяющих уровень диверсификации и сложности экспорта. Преимущества сравнительных издержек производства и преимущества географического положения, обеспечивающие более тесные связи с глобальными производственно-сбытовыми системами, по-прежнему играют очень важную роль как фактор расширения экспорта, особенно в НРС Азии, однако африканские НРС продолжают в значительной степени полагаться на богатые природные ресурсы.

Аспект развития человеческого потенциала нередко игнорируется в НРС, хотя оно выступает целью экономического развития на основе уменьшения неравенства, формирования устойчивых сообществ и искоренения всех форм нищеты. Необразованная и неквалифицированная рабочая сила остается непродуктивным и недостаточно используемым ресурсом. Таким образом, ключом к реализации демографического дивиденда и преодолению технологического разрыва между НРС и ДРС выступает обеспечение того, чтобы государство, вкладывая средства в образование и подготовку кадров, ставило во главу угла проводимой политики вопросы повышения квалификации и увеличения багажа знаний. В конечном счете инвестиции в технологии и знания определяет человек, в том числе в том, как используются существующие производственные системы и какие структурные изменения необходимы для совершенствования производственных систем.

Навыки, приобретенные благодаря образованию и работе, определяют использование всех других производственных мощностей, включая материальные и нематериальные активы (например, инфраструктуру, институциональные структуры и политику). Для того чтобы догнать ДРС, наименее развитые страны должны по крайней мере достичь их уровня развития человеческого потенциала; для решения этой задачи потребуются крупные инвестиции в образование и профессиональную подготовку с ориентацией на правильно выбранные возрастные группы. С учетом того, что искусственный интеллект является одним из основных компонентов 4ПР и заставляет биться сердце цифровой экономики, наименее развитым странам не следует недооценивать значение инноваций, знаний и связей, создаваемых при осуществлении инновационной деятельности.

Кроме того, оценка осуществления СПД позволила выявить, в какой степени подверженность риску конкретных шоковых потрясений возрастает в силу таких факторов, как конфликты и слабость институциональных структур и систем управления. Взаимосвязь категорий экономической уязвимости и производственного потенциала показывает, что структурные преобразования соотносятся с более низкими уровнями экономической уязвимости всех НРС, за исключением тех стран, которые в 2018 году отвечали двум из трех критериев для выхода из категории НРС. Природные ресурсы также ассоциируются с более низкой экономической уязвимостью стран, вышедших из категории наименее развитых стран, и НРС с высоким ВНД в 2018 году. В противоположность этому с более низкой экономической уязвимостью стран, которые планируется исключить из категории НРС, соотносится уровень развития человеческого капитала, ИКТ и институциональных структур. Для стран, отвечающих критериям ИЭУ и уровня дохода, характерна более высокая степень уязвимости в плане природных

ресурсов, которую они компенсируют более высоким ВНД, динамичным частным сектором или более развитой транспортной инфраструктурой.

Важный элемент асимметрии наблюдается также между странами, вышедшими из категории НРС, и всей группой ДРС. С более низкой экономической уязвимостью ДРС связаны компоненты энергетики, человеческого потенциала, частного сектора и структурного разнообразия, качество же институциональной структуры и уровень развития транспортной инфраструктуры дают обратный эффект. В случае стран, вышедших из категории НРС, элементы энергетики, транспортной инфраструктуры и человеческого капитала в значительной степени сопряжены с более высокой экономической уязвимостью. Это подтверждает мысль о том, что НРС, вышедшие или намеченные к выходу из этой категории (на основе критерия дохода), добиваются этого благодаря богатству своих природных ресурсов. Стремясь выйти на уровень ДРС, наименее развитые страны должны нацеливать свою политику прежде всего на устранение слабых мест, обозначаемых низкими показателями по другим компонентам производственного потенциала. Об этом наглядно свидетельствуют компоненты производственного потенциала, связанные с более низкими показателями экономической уязвимости ДРС.

Оценка осуществления СПД подтверждает, что производственный потенциал является ключевым составным элементом структурных преобразований и торговли, однако его динамическое воздействие на экономику не будет находить конкретного воплощения до тех пор, пока такие элементы не будут приведены в действие средствами государственной политики. Степень влияния государственной политики на развитие ограничивается состоянием производственного потенциала экономики НРС; в некоторых случаях страны сталкиваются с дополнительными проблемами из-за своего географического положения и субрегиональной динамики. Анализ этих категорий предполагает определенное соотношение таких составных элементов, при этом большинство категорий производственного потенциала оказывают взаимодополняющее воздействие; однако наличие нетрадиционных негативных факторов корреляции между категориями свидетельствует о низкой синергии. Наименее развитым странам следует использовать дополнительные торговые структуры, предлагаемые их субрегиональными рынками, например, азиатские НРС должны оптимально использовать возможности своих соседей и в качестве источника необходимых вводимых ресурсов, включая необходимые им технологии, и в качестве рынка для экспортируемых ими товаров и услуг. Африканским и островным НРС в равной степени необходимо использовать свои субрегиональные рынки, однако им придется активнее осуществлять инвестиции в развитие взаимосвязей, институциональных структур и инфраструктуры.

НРС становится все труднее выходить из своей категории. Немногим вышедшим из категории НРС странам во многих случаях удалось сделать это благодаря мощной базе природных ресурсов. Однако природные ресурсы, в свою очередь, являются самым большим источником нестабильности экспорта и повышают уязвимость стран. В результате экономика остается уязвимой даже после выхода стран из категории НРС. Международному сообществу, возможно, нужно согласовать конкретные меры по оказанию поддержки странам, находящимся на этапе выхода из категории НРС, а также другим странам, недавно вышедшим из этой категории, с тем чтобы придать устойчивость динамике их развития. Ввиду низких показателей выхода из категории НРС и медленного развития процесса выхода из этой категории дифференциация структуры поддержки представляется неизбежной.

Переход к цифровой экономике: технологические возможности как движущие силы роста производительности труда

По мере того как цифровая экономика становится все более неотделимой от механизма функционирования современной экономики, усиливается обеспокоенность по поводу предполагаемого потенциала цифровых технологий в НРС. Наименее развитым странам все чаще рекомендуют оперативно разрабатывать и проводить в жизнь политику в области развития, предусматривающую поддержку и стимулирование инвестиций с целью приобретения технологических возможностей, необходимых для того, чтобы вознестись на волне цифровых инноваций. НРС отстают в глобальной гонке цифровых преобразований, о чем свидетельствует и без того очевидная тенденция к расширению цифрового разрыва между странами и внутри них. Исследования ЮНКТАД подтверждают, что традиционные программы поддержки малых и средних предприятий (МСП) вряд ли окажутся эффективными в устранении разрыва в технологических возможностях.

В настоящее время в нормативном дискурсе по тематике устойчивого развития доминируют убедительные заявления по поводу беспрецедентных возможностей, предоставляемых цифровыми технологиями. На разработку политики оказывают влияние два основных прогноза эффекта 4ПР в контексте НРС, а именно: i) прогнозируемая способность подталкивать к разработке новых бизнес-моделей

и ценных предложений, стимулирующих всеохватный рост; и ii) потенциальные возможности стран, идущих по проторенному пути, перескочить ту или иную стадию развития. Перед директивными органами стоит задача превращения таких прогнозов в стратегии, в которых приоритетное внимание уделяется активному решению проблем. Это потребует глубокого осмысления и понимания цифровых технологий и их применения в различных секторах, и сделать это удастся лишь обеспечив, чтобы ответные меры политики не утрачивали целенаправленности с переносом внимания с причин на симптомы. Последняя опасность высока, поскольку в специальной литературе нередко акцент делается на наглядные примеры цифрового присутствия в НРС или на специфические параметры технологий 4ПР, которые, как считается, демонстрируют их предсказанную более высокую способность решать непростые проблемы развития. Вместе с тем имеется мало конкретных данных о том, как эти прогнозы могут осуществляться в контексте НРС, равно как и об уроках политики, которые можно извлечь при этом, особенно с учетом того, что существующий массив специальной литературы насыщен символикой и устремлениями, не давая подробной картины технологических возможностей, позволяющих компаниям реализовать в НРС скрытый потенциал технологий 4ПР.

В контексте ключевых целей поощрения конкурентоспособной производственной деятельности и структурных экономических преобразований в НРС экономическая теория и новые данные, полученные в ходе исследований ЮНКТАД, указывают на то, что для решения проблем цифровой эры ответные меры нужно будет перенести с макроуровня на мезо- и микроуровни, особенно ввиду того, что технологический потенциал принадлежит экономическим субъектам на уровне компаний или других производственных единиц, например фермерских хозяйств. Таким образом, при всей неоспоримости важнейшей роли ИКТ как обязательного портала в цифровую экономику, доступ к ИКТ и другой экономической инфраструктуре должен дополняться инвестициями в развитие технологического потенциала для достижения обещанного повышения производительности труда, поскольку технологии четвертой промышленной революции являются воплощением сложных технологических возможностей. Последние являются основополагающими элементами производственного потенциала и крайне важны как фактор повышения производительности, конкурентоспособности и прибыльности. Эти возможности трансформируют активы или ресурсы, например ИКТ, в более ценные материальные, физические или нематериальные продукты.

Наименее развитым странам грозит опасность дальнейшего отставания по мере расширения технологического разрыва, отделяющего их от более технологически

развитых стран. Промышленная политика стала как никогда актуальной как инструмент, позволяющий избежать дальнейшей маргинализации НРС. Ее востребованность стала очевидной с появлением цифровой экономики и еще более возросла вследствие пандемии COVID-19. В этом контексте директивным органам необходимо переосмыслить роль промышленной политики и ее взаимодействие и взаимозависимость с целым рядом других направлений отраслевой политики, включая гендерные аспекты цифрового разрыва и меняющийся характер производства и факторов взаимозависимости секторов. Например, данные на глобальном уровне позволяют говорить о повышении роли услуг в обрабатывающей промышленности и индустриализации сельского хозяйства. Для того чтобы внедрять технологии и осуществлять инвестиции в технологический потенциал, компании должны быть уверены в том, что до того, как они начнут внедрять технологии и инвестировать средства в новые технологические возможности, уже будет проводиться правильно выбранная политика. Соответственно, для поддержки осуществляемых на национальном уровне инвестиций в институциональный и регулятивный потенциал потребуются адресные согласованные пакеты мер политики, поскольку они будут жизненно важны для наращивания цифрового потенциала директивных органов и сохранения согласованности политики. Кроме того, задача максимального увеличения отдачи от инвестиций в дополнительную экономическую инфраструктуру потребует от правительств НРС более пристального внимания вопросам влияния рыночной концентрации на экономическую доступность важнейших цифровых услуг, а также способности компаний НРС выходить на глобальные и национальные цифровые рынки и быть готовыми к конкуренции на них. Директивным органам необходимо будет также решать вопросы безопасности и конфиденциальности производственных субъектов и потребителей. Глобального консенсуса в отношении надлежащих мер решения вопросов конкуренции на цифровых рынках пока не существует. Однако с учетом тенденции к тому, что «победитель захватывает все рынки», и формированием в результате квазимонополий нужно решительнее и оперативнее добиваться практической реализации таких мер реагирования, принимая при этом во внимание местную специфику.

Компании, как правило, сталкиваются с внутренними и внешними барьерами, которые отбивают охоту модернизировать технологическую базу и внедрять новые бизнес-модели. Первым барьером для НРС является то, что процесс раскрытия потенциала ИКТ и технологий 4ПР представляет собой постепенный переход, который оборачивается для компаний дополнительными затратами. Цифровые преобразования и выход на новый уровень в несоразмерно большой степени опираются на являющиеся компонентом технологического потенциала

неявные знания, которые нелегко обобщать и распространять. Таким образом, технологии 4ПР увеличивают затраты и связанные с этим риски приобретения технологических возможностей компаниями. Этот серьезный сбой рыночного механизма оправдывает политические действия, направленные на решение этой проблемы. Вторым связанным с этим барьером для НРС является в том, что подавляющее большинство их производственных субъектов — это ММСП, которым не хватает ресурсов и подготовленных кадров. Положение усугубляется третьим фактором — из-за динамичных и непрерывных изменений в производственных системах, которые, как ожидается, будут находиться в центре цифровых преобразований, эффект воздействия на производительность труда будет проявляться с задержкой. Еще один деструктивный фактор заключается в том, что цифровые преобразования на уровне компаний зависят от технологических возможностей, накопленных на протяжении предшествующих циклов промышленной революции (эффект «колеи»). Хотя бытует мнение, что в мире в полном разгаре четвертая промышленная революция, большинство НРС прозябает на этапах первой и второй промышленных революций, что наглядно свидетельствует о серьезности проблемы освоения технологий в НРС. Все эти факторы лежат в основе избитой истины, что, несмотря на доказанную высокую доходность или работу в среде, для которой все более характерным становится наличие цифровых технологий, компании не осуществляют модернизацию самопроизвольно.

Вся совокупность технологических возможностей, которые будут иметь важное значение на этапе приобретения компаниями цифрового статуса, вероятно, будет столь же обширной, как и число процессов, процедур, номенклатур выпускаемых изделий, бизнес-моделей и стратегий, которые фирмы могут использовать, чтобы выделиться на фоне своих конкурентов. По всей вероятности, возможности также будут различаться в зависимости от сектора, сегмента производственной сети, в котором работают компании, и характера взаимосвязей, которые могут возникать у них с другими компаниями в этой сети. Они, вероятно, будут различаться и в зависимости от избранного курса, например, в случае, если компания руководствуется стратегией развития на базе экспорта.

Ключевые секторы стратегического значения в НРС, такие как сельское хозяйство, обрабатывающая промышленность и сфера услуг, срочно нуждаются в перестройке, и в технологиях 4ПР кроются нереализованные возможности. У НРС имеется, как минимум, три перспективных варианта, реализовывать которые нужно одновременно. Первый вариант заключается в необходимости дальнейшего закрепления успехов, достигнутых в процессе повышения производительности труда и содействия структурным преобразованиям на

основе стратегического использования промышленной политики. Проведенные исследования позволяют полагать, что для некоторых НРС имеется необходимая, правда, ограниченная по времени передышка, благодаря которой могут продолжать успешно функционировать традиционные бизнес-модели. Вторую возможность открывает использование цифровых технологий, особенно ИКТ, для ускорения и дальнейшего развития упомянутого процесса закрепления успехов, при этом наглядным примером является электронная торговля. Третья возможность предполагает активную цифровую трансформацию компаний в экономике, поскольку этот процесс зависит от первоначально избранного пути и требует времени. Объемы инвестиций и масштабы перестройки государственной политики, которые потребуются для проведения таких цифровых преобразований, по всей вероятности, будут значительными. В нынешних условиях, когда бюджеты НРС традиционно ограничены и положение будет еще больше осложняться кризисом пандемии COVID-19 и его последствиями для потоков ОПР, на перспективу крайне важное значение будет иметь стратегический выбор в расчете на долгосрочный эффект.

Политика развития производственного потенциала в предстоящем десятилетии

Поскольку к 2021 году СПД в значительной мере останется незавершенной, а негативные последствия пандемии COVID-19 вновь наглядно демонстрируют структурную уязвимость НРС, все более очевидной становится ключевая роль производственного потенциала в разрезе перспектив устойчивого развития. В результате требуется проведение на всех уровнях политики, призванной запустить процесс структурных преобразований на основе постепенного расширения, углубления и полного использования производственного потенциала НРС.

Для того чтобы смягчить последствия спада и предотвратить нанесение долговременного ущерба уже и без того слабой производственной структуре НРС, крайне необходима решительная антициклическая политика, особенно с учетом того, что глобальная рецессия грозит свести на нет обнадеживающие признаки прогресса, достигнутого НРС в последние годы. Однако само по себе это не будет способствовать устойчивому оживлению экономики на широкой основе. Для этого потребуются сочетание стабильных фундаментальных показателей с настойчивыми согласованными инвестиционными усилиями,

направленными на сокращение отставания НРС в инфраструктурной и технологической областях. В свою очередь, для этого необходима, насколько это возможно, политика бюджетной экспансии, подкрепленная либеральной денежно-кредитной политикой и политикой в области обменного курса для поддержки мобилизации внутренних ресурсов и развития частного сектора. В этом контексте государственные инвестиции по-прежнему играют особенно важную роль для НРС как в краткосрочной перспективе для ограничения потерь рабочих мест, так и в долгосрочной перспективе для устранения узких мест в сфере предложения, связанных с инфраструктурой и предоставлением базовых услуг, тем самым обеспечивая привлечение частных инвестиций.

За рамками чисто макроэкономической сферы на передний план в политических дебатах вновь выходит промышленная политика, включая меры по укреплению экосистем НТИ. Эксперименты в политике, проводившиеся в ответ на пандемию, показали, что — при решении проблем координации — значительные успехи возможны даже в НРС, о чем свидетельствует оперативная разработка тест-систем в таких странах, как Бангладеш, Сенегал и Уганда. Примечательно, что в условиях пандемии COVID-19 возобновились дискуссии по поводу ключевой роли государства не только как «законодателя норм», но и как «координатора» и «инвестора», что предполагает необходимость уделения повышенного внимания институциональному потенциалу для осуществления стратегий развития и мобилизации широкого круга заинтересованных сторон.

В разрезе НРС возникают два ключевых приоритета. Во-первых, с учетом ожидаемого в 2020-х годах увеличения предложения рабочей силы в НРС на 13,2 млн человека в год невозможно переоценить важность задачи создания рабочих мест. Это потребует многопланового подхода, позволяющего одновременно поддерживать спрос на рабочую силу в трудоемких секторах с более высокой производительностью труда и расширять возможности трудоустройства работников, впервые выходящих на рынок труда. Во-вторых, в сценарии развития событий после завершения пандемии COVID-19 технологии приобретают тем более важную роль в обеспечении устойчивого развития, поскольку под воздействием негативных последствий пандемии некоторые аспекты продолжающегося процесса цифровизации промышленности и повышения значения услуг в этом секторе, по всей вероятности, начнут проявляться быстрее. В случае дальнейшего увеличения дистанции, отделяющей НРС от передовых технологических рубежей, и сохранения или расширения технологического разрыва, эти страны могут отодвинуться еще дальше на периферию мирового разделения труда. В результате, скорее всего, еще больше обострятся хронические проблемы модернизации технологической

базы и запуска реального процесса передачи технологий. Появляются признаки возникновения серьезной угрозы усиления отставания в результате резкой концентрации производства и внедрения передовых технологий, незначительного участия НРС в их освоении, а также повсеместной нехватки кадров, обладающих дополнительными навыками.

Что касается секторальной политики, то, не забывая о развитии сельского хозяйства ввиду его важности как источника рабочих мест, существующих межотраслевых связей и настоятельной необходимости преодоления давнего разрыва в производительности труда, следует отметить, что создание жизнеспособной производственной базы по-прежнему имеет основополагающее значение для НРС в соответствии с целью 9 Повестки дня в области устойчивого развития на период до 2030 года. Развитие процессов цифровизации и повышения роли услуг подразумевает, что некоторые характеристики, традиционно приписываемые обрабатывающей промышленности, — в частности, возможности для роста производительности труда и увеличения прибыли — могут потенциально относиться и к некоторым, особенно наукоемким, услугам. Однако возможность адаптировать и производить передовые технологии и преодолевать будущие внешние потрясения во многом зависит от наличия определенной производственной базы и приобретения дополнительных навыков. Один из ключевых уроков пандемии COVID-19 заключается в том, что для обеспечения устойчивости нужно уметь быстро приспосабливаться к обстоятельствам и принимать инновационные решения, например переориентируя производство текстильных изделий на выпуск средств индивидуальной защиты или производство алкогольных напитков на выпуск дезинфицирующих средств. Эти особенности неизбежно зависят от ранее существовавших мощностей. С точки зрения политики, не ограничивая дискуссию дихотомией моделей с опорой на производство или услуги, появление новых технологий ставит во главу угла системную слаженность. Это влечет разработку политики, стратегически нацеленной на обеспечение синергетического эффекта и взаимодополняемости секторов с целью постепенного повышения зрелости экономики. Кроме того, это предполагает понимание политико-экономических аспектов технического прогресса и их потенциальных последствий для сферы распределения.

Принимаемые в настоящее время глобальные меры реагирования в связи с пандемией COVID-19 дают множество конкретных примеров мер промышленной политики, которые можно было бы рассмотреть на предмет выправления создавшейся ситуации. Диапазон таких мер широк — от стратегического использования государственных закупок до заранее анонсированных обязательств участников рынка (которые снижают риски и привлекают инвестиции

в исследования и разработки (НИОКР)) и от оперативных судебных исков для обеспечения исковой защиты гибкого применения прав интеллектуальной собственности до инициативных усилий, направленных на содействие координации действий заинтересованных сторон. В более общем плане многие развивающиеся страны в последнее время применяют другие инструменты политики, в том числе требования об использовании местного компонента или специально создаваемые особые экономические зоны (ОЭЗ). Успешность этих мер по-прежнему довольно неоднозначна, поскольку возможности модернизации и обеспечения дополнительного эффекта для остальной части экономики реализуются не всегда или несоизмеримы с понесенными затратами. Тем не менее промышленная политика выступает весьма эффективным инструментом модернизации промышленности в тех случаях, когда она разрабатывается на сбалансированной прагматичной основе и в рамках целостной политики, включающей макроэкономические стратегии и политику в области НИ.

За пределами национальных границ по-прежнему крайне важно повышать стратегическую согласованность торговой и инвестиционной политики с целями промышленной политики. Неотъемлемой частью этих усилий является стратегическое использование международной торговли для осуществления структурных преобразований. Так, в частности, региональная интеграция позволяет в значительной степени увеличить экономию за счет эффекта масштаба, использовать взаимодополняемость торговых связей и постепенно повышать уровень конкурентоспособности и зрелости экономики. Она также может играть важную роль как инструмент привлечения прямых иностранных инвестиций (ПИИ) и расширения возможностей для интеграции в региональные и глобальные производственно-сбытовые системы. Соответственно, в случае африканских НРС это определяет важность дальнейших шагов по созданию африканской континентальной зоны свободной торговли.

Вместе с тем, как и прежде, не вызывает сомнений тот факт, что не существует ни универсального подхода, ни единой схемы структурных преобразований. Основной рецепт обеспечения роста с опорой на экспорт рискует пасть жертвой неоправданной экстраполяции, особенно в нынешних условиях депрессии, поскольку все страны одновременно не смогут выйти из рецессии за счет экспорта своих товаров. Таким образом, для достижения успешного результата стратегии развития производственного потенциала должны учитывать специфику каждой НРС в отдельности, а также использовать свой собственный набор сравнительных преимуществ и учитывать местную политико-экономическую динамику и структурные особенности.

Накопление производственного потенциала в значительной степени происходит в рамках отечественной экономики, но на этот процесс очень сильно влияют факторы взаимодействия между отечественной экономикой и международной средой. Формы и условия интеграции НРС в глобальный рынок неизбежно оказывают существенное влияние на их потребности, пространство для маневра в политике, имеющиеся средства и эффективность различных мер политики. Поэтому международное сообщество призвано играть важную роль в поддержке усилий НРС на пути к устойчивому развитию. Актуальность этих соображений еще более возрастает в данный момент, когда человечество только что пережило беспрецедентное по своим масштабам потрясение и вступает в десятилетие, охватывающее и оставшийся этап Повестки дня в области устойчивого развития на период до 2030 года и срок реализации новой программы действий в интересах НРС. В контексте усиления глобальной взаимозависимости призывы к глобальному партнерству в поддержку НРС отражают необходимость провести восстановление по принципу «лучше, чем было» и повысить системную стойкость стран мира к воздействию внешних шоковых потрясений.

Последствия пандемии COVID-19 в очередной раз обнажили давние пороки и асимметрии, присущие существующей многосторонней торговой и финансовой архитектуре. В этом контексте НРС не могут не относиться к числу самых ярых сторонников пересмотренного, более эффективного и всеохватного многостороннего подхода, позволяющего решать насущные проблемы и создавать более благоприятную международную среду. Они также кровно заинтересованы в решении — с учетом их задач в области развития — застарелых системных проблем, в частности в плане адекватного обеспечения международной ликвидности и достаточных объемов долгосрочного финансирования развития (включая финансирование деятельности, связанной с изменением климата). Аналогичным образом, обострение ситуации в плане приемлемости долга НРС и ухудшение перспектив этих стран, равно как и многих ДРС, требуют принятия мер, выходящих далеко за рамки стабилизации обслуживания долга, согласованной Группой 20 в апреле 2020 года. Более обширные и эффективные инициативы включают: i) возобновление программ списания задолженности и облегчения долгового бремени; ii) создание эффективного, всеобъемлющего и транспарентного механизма урегулирования суверенного долга; и iii) расширение использования долговых инструментов, обязательства по которым зависят от экономического положения конкретного государства.

Ограниченный прогресс в достижении целей СПД также свидетельствует о необходимости пересмотра существующих международных мер поддержки

(ММП) в интересах НРС по пяти основным направлениям. Во-первых, для успеха торговых преференций и других ММП, в той или иной форме связанных с либерализацией торговли, нужна более активная поддержка в рамках инициативы «Помощь в торговле». Во-вторых, для повышения качества институциональных структур НРС и их способности использовать существующие ММП, особенно в областях, связанных с нетарифными мерами (НТМ), цифровой торговлей и торговлей услугами, где возникают более сложные вопросы измерения, прозрачности и предсказуемости, необходимы масштабные усилия по укреплению потенциала. В-третьих, по-прежнему крайне важным для НРС является адекватное пространство для маневра в политике. Это требует укрепления особого и дифференцированного режима и как минимум продления на период после 2021 года действия возможностей гибкого подхода, предусмотренных Соглашением по торговым аспектам прав интеллектуальной собственности (ТАПИС). Кроме того, крайне важно, чтобы НРС были уверены в том, что они не будут становиться объектом разбирательств в рамках ВТО или других региональных или двусторонних торговых и инвестиционных соглашений в связи с проведением политики по ликвидации ущерба, понесенного в результате пандемии COVID-19. Это можно сделать с помощью «мирной оговорки» или договоренности о долгосрочном сохранении статус-кво, которые будут защищать правительства НРС от судебных разбирательств по вопросам интеллектуальной собственности, данных и информации.

В-четвертых, крайне необходимы более эффективные механизмы поощрения реальной передачи технологий частными компаниями. Этот вопрос должен занимать видное место при разработке режимов поощрения инвестиций для НРС (задача 17.5 целей в области устойчивого развития). Равным образом использование государственного финансирования развития с помощью инструментов частного сектора следует прямо увязывать с подлинной и документально подтвержденной практикой поощрения передачи технологий. В-пятых, не забывая о настоятельной необходимости многосторонних усилий по поощрению реальной передачи технологий наименее развитым странам, следует отметить, что имеются широкие возможности для укрепления механизмов технического сотрудничества на региональном уровне и по линии Юг — Юг, в частности в областях зеленых технологий, промышленного сотрудничества и сотрудничества в сфере цифровых технологий.

